

Документальный экран

ИСПОВЕДЬ РЕЖИССЕРА

ПРИКОСНУТЬСЯ к личности Мастера, понять беспокойный механизм таланта, что составляет человека, наделенного им, проживать каждый день и час, повинаясь невероятному напряжению мысли и чувства, в который раз убедиться, что не бывает истинного искусства без обостренной способности души человеческой ощущать боль и страдания других, — такую задачу поставили создатели документального фильма «Михаил Ромм. Исповедь режиссера» (сценарист С. Фрейлих, режиссер А. Цинеман, оператор О. Згуриди, студия «Центрнаучфильм»).

Из темноты кадра возникают фотографии. Из темноты небытия приходит на встречу с нами Михаил Ильич Ромм. Он думает, объясняет, слушает, хохочет. Он ироничен, сосредоточен, предельно внимателен и бесконечно добр той редкой добротой, что достижима лишь для людей талантливых и мудрых, познавших самые простые и самые сложные законы человеческого бытия.

Мы услышим голос Ромма. Негромкий, с чуть заметной хрипотцой, неторопливый. В тот год ему некуда было спешить, он переживал самую драматическую для художника пору — пору вынужденного бездействия. Врачи запрещали решительно все.

Крутятся бобины старенького магнитофона, шелестит лента, работает мысль Ромма. Своему молчаливому собеседнику Ромм доверяет повествование своей жизни, вспоминает.

Ему есть, что вспомнить, ровеснику века, принадлежащему к духовному авангарду нашего кинематографа. Нелегко ему было, а порой и невыносимо трудно. Но житейские неурядицы словно не занимали его. Так уж странно-счастливо устроен творец: то, что происходит с ним лично, трогает его много меньше, чем то, что свершается в общей человеческой биографии.

Диалогия о Ленине стала открытием и для режиссера, и для зрителей. А потом Ромм ставил исторические фильмы, а его неудержимо тянуло к современности. Компромисс, как он считал, подвел его совсем близко к стрелке, разводящей творчество и ремесло.

Фильм состоит из отдельных новелл, но воспринимается как

единный монолог. Документалисты избрали для себя скромную роль; их приемы деликатны, они все подчинены одному стремлению — максимально проявить индивидуальность героя. Не часто документальному фильму удается так передать правдиво интонацию: интонация картины — человеческая интонация самого Ромма.

Фильм выдвинут на соискание Государственной премии.

Чуткий и внимательный человек, вслушиваясь в речь Ромма, поймет, что за словами — вереница бессонных ночей, диалоги со своей совестью. И разве не торжество совести над обстоятельствами эта клятва, которую режиссер дает себе сам: «1. Обещаю, что буду ставить только современные вещи о жизни своей страны...» Клятва дана, и за ней следуют мучительные шесть лет простоя, в течение которых Ромм вместе с драматургом Д. Храбровицким пишет и переписывает сценарий «Девяти дней одного года». Многие помнят, каким откровением был этот фильм для первых зрителей. Тревогу художника за будущее человечества, попавшего в угрожающую зависимость от атомной бомбы, размышления о том, что такое творчество и какова ответственность таланта перед людьми и историей, все восприняли как глубоко личное и всеобщее.

Долг творческого человека поставил Ромма взяться за немислимо трудную работу: тем, кто пережил, напомнить, а тем, кто не знал войны, рассказать жестокую, неприкрытую правду о том, что такое фашизм. Философский, публицистический фильм «Обыкновенный фашизм» стал оглушающим по своей откровенности предупреждением: смотрите, помните, сделайте все, что в силах ваших, чтобы никогда не повторилась эта трагедия.

...Замирает магнитофон. Окончена исповедь. Мы расстаемся с Михаилом Ильичом Роммом. Но мы запомним эту встречу. На днях фильм был показан по Центральному телевидению, и его увидела вся страна. На час с небольшим мы все чуть-чуть стали учениками Ромма, а они, по словам Григория Чухрая, от общения с Мастером «становились умнее, честнее, даже талантливее».

М. НЕВЗОРОВА

КРЕСТИН
Москва

15 СЕН 1987